

12+

Диана Миничева

Когда часы пробьют двенадцать

Диана Александровна Миничева

Когда часы пробьют двенадцать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55840028

SelfPub; 2020

Аннотация

Есть ли у тех, кто рожден в высшем обществе, шансы на счастье? Могут ли они искренне влюбиться и провести жизнь с этим человеком? Как считаете? Ведь на самом деле, чем выше статус, тем сильнее цепи связывают человека. Так сильно, что он уже и сам привыкает к своему положению. Казалось бы, у Риты – дочери герцога – есть все: статус, внешность, образование, связи. Даже с женихом ей повезло – обвенчаться с первым принцем страны настоящий успех для благородной девушки, желающей принести славу своей семье. Ну и что, что родители давно не разговаривают друг с другом, а с дочерью обходятся совершенно холодно. И какая разница, если характер у принца не сахар. Даже тот факт, что из-за этого самого характера его и лишили права наследия престола, совершенно не важен юной аристократке. Такой искусной лжи можно даже позавидовать. И что ее в итоге спасло? Маленькое чудо, случившееся, стоило ей раскрыть свои чувства ровно в полночь под бой курантов.

Нежные, теплые губы касаются моих, накрывают их, кусают и оттягивают, жадно поглощая через них всю мою душу, все мое сердце. Отныне оно принадлежит лишь одному тебе, такому внимательному до всего, что касается меня, такому наглomu, ревнивomu. Тебе уже давно хотелось завладеть мной, заставить понять и признать, что я целиком твоя. И убедить в этом ты хочешь не только меня – всех персонажей нашей с тобой истории, включая самого себя.

Не так ли, Кай?

Посчитаете ли вы меня сумасшедшей, узнав, что мы встретились в отражении? Всего лишь один печальный взгляд на себя в зеркало; маленькая слеза упала на пышную юбку платья, часы пробили двенадцать часов ночи. Я упала на колени, получив возможность громко рыдать, не жалея своего голоса, пока маятник из жалости ко мне заглушает крики одиночества.

Бом – первый удар.

Я выхожу замуж.

Бом – вот и второй.

За мерзкого, жадного и, не постыжусь этого слова, грязного человека, первого принца нашей страны, которого именно из-за своего глупого и самовлюбленного характера лишили престола.

Бом – да сколько можно...

Что и ожидалось от дочери герцога. Выйти замуж за влиятельного человека и принести славу своей семье – хоть и

без права наследия, а все же принц, к тому же, первый сын короля и королевы.

Бом – послышался голос.

– Почему ты плачешь?

Немного надменный, спрашивающий, будто лишь из любопытства ради, голос. Я поднимаю покрасневшее лицо от мокрых ладоней и с удивлением гляжу на него, обладателя того самого хамского голоса.

Совсем немного выше меня ростом парень, блондин с волосами, завязанными в короткий низкий хвост, и с голубыми, пронзительными глазами. Лицо немного напоминает девчачье – своей аккуратной формой, нежной и светлой кожей.

Бом – почему он так похож на меня?

Видя меня, мое лицо, и понимая то же, что и я, он тоже удивленно поднимает брови, открывает рот, совершенно синхронно со мной. Словно отражение.

Бом:

– У меня нет брата.

– У меня нет сестры.

После этого он приходил постоянно, не пропуская ни одной ночи. Его дом был там – на другой стороне моего зеркала и приходиться он мог лишь тогда, когда куранты на часах начинали отбивать свой ритм. Уходил он с восходом солнца, обратно, в зеркало, однако сколько бы я ни пыталась, последовать за ним мне никогда не удавалось. Мы были неверо-

ятно схожи с ним, однако как по характеру, так и по своей судьбе отличались.

Кай – так было его имя – был самовольным, нахальным и достаточно грубым. Он тоже принадлежал к семье аристократов, однако был невоспитан и невежлив. По началу мне было интересно – ведет ли он себя также и в своем мире, или наоборот, мог раскрыть свое лицо только здесь, где его никто не знает. В отличие от меня, единственного ребенка в семье, у него было трое младших братьев. И всех их он любил, так сильно, так искренне, что это можно было понять всего лишь по его словам о них и тону голоса, становящемся ласковым только в эти моменты.

Еще различались наши родители, которые будучи дворянами одного сословия – герцогами – были абсолютно разными по характеру. Мои, как и полагается нормам в моем мире, были строгими, умными и серьезными людьми. И этот холод, равнодушие, монотонность не исчезали даже в кругу семьи. Также воспитывали и меня, что я считала вполне нормальным и правильным, пока не услышала истории Кая и не захотела прожить ту же жизнь, что и он.

Совершенно спокойная, домашняя, дружелюбная атмосфера, в результате которой Кай, видимо, и стал таким распушенным, царила в его доме, наполненном смехом младших детей. Второй сын был на пять лет младше Кая – ему было тринадцать, затем следовал третий сын, пятилетний, и младший, трехлетний, но самый активный брат. Родителей

же он описывал так: мать была очень красивой, ласковой и теплой со всеми – она ценила лишь людские качества, поэтому ее не волновали ни внешность, ни титул. Отец же был серьезным человеком и много работал, однако не было ни одного раза, когда бы он не отложил своих дел ради времяпровождения с семьей.

Хотелось бы и мне увидеть их, познакомиться с детьми, провести время с ним, Каем, в *его* мире и остаться там *навсегда*... Еле слышимый, тихий стук пальцев о зеркало, холодное стекло и снова то самое печальное выражение лица в отражении, которое теперь совсем, даже чуточку не напоминало лица Кая. И с момента, как я вижу свое лицо, свои тусклые, в отличие от его ярких и блестящих, глаза, в комнате снова наступает тишина. Раздражает.

Цок. Цок. Цок.

Стук каблуков, пока я иду обратно до кровати, шуршание пышного и такого душного платья, которое я, наконец, снимаю после затянувшегося до поздней ночи дня, а затем и шуршание совсем легкой, простой белой ночнушки. Стараясь издавать как можно больше звуков в этой скучной, серой комнате.

Пам, пам.

Две туфли одна за другой слетают с моих ног и я кидаюсь в объятия кровати, на которой... сколько уже прошло? Три минуты? Пять? Может, десять? Вовсе не важно – тут, именно тут совсем-совсем недавно мы с Каем сидели, обсуждая

все, что происходило за последние дни. Вдыхаю его запах.

Он катался на лошадях вместе с отцом и старшим, среди младших, братом. Со смехом говорил, что они попали под дождь, а затем возвращались домой, где их ожидали другие братья, хотевшие поехать с ними, и мать, с беспокойными упреками вытирающая полотенцами их, промокших до ниток, а я могла лишь взволнованно просить его быть тише, чтобы ни служанки, ни родители не обнаружили незваного ночного гостя в спальне их дочери.

И если Кай всегда возвращался, полный интересных историй, то я могла лишь с улыбкой встречать его, не имея возможности рассказать ничего в ответ.

Подъем, гомон служанок, одевающих меня и старающихся все сделать по расписанию. Затем завтрак. Тишина, молчание, безразличие.

«Мам, а где папа?» – в голове раздался отголосок воспоминания из детства.

«Твой отец уже отъехал по делам срочной важности. Не заморачивайся, Маргарита, и поторопись, если хочешь доесть прежде, чем придет время утренних занятий.»

Формальное обращение, некая ненависть и раздражение моей матери к отцу, что слишком часто отбывает по делам в последние годы.

Затем, как и полагается, утренние занятия. Чтение французской классики вслух без единого шанса на ошибку. Оплошать, значит быть отчитанным и начать перечитывать скуч-

ные тома заново. После пары часов, когда голос уже начинает хрипеть и оседать, игра на скрипке. Не менее нудные композиции, написанные черными, блеклыми нотами – истинный дворянин должен знать их всех наизусть, чтобы не прослыть невеждой и неучем.

В три часа дня наступает время обеда, только уже в полном одиночестве – матушка либо отбывает на балет или в театр, где она любила бывать, либо же запирается в комнате до ужина, читая классику на самых разных языках, в том числе на немецком, английском, норвежском и испанском. После обеда – урок танцев под монотонный, но точный и четкий такт учителя, сопровождаемый его хлопками.

Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три...

Замолкни...

Поворот и заново! Раз, два, три...

Пожалуйста, умоляю, замолчи, наконец!

– Рита, – голос Кая слышится рядом с ухом и я, наконец, возвращаюсь из глубины своих мыслей. Прежде, чем я успеваю что-либо сказать, он целует меня. Неожиданно, глубоко и тепло, снова не спрашивая разрешения. Ах, теперь понятно. Это наше единственное желание, которого жаждем мы оба. Друг друга.

Я не желаю останавливать это, отвечаю, стараясь продолжить поцелуй, на что он лишь отстраняется, смеется, ласково гладит мои волосы, щеку. Он старается растянуть этот сладкий момент, немо говорит не торопиться, делая жадной

именно меня. А затем надевает на мой безымянный палец блестящее серебряное кольцо, имитирующее корону, которое было подарено им еще вчера, в день моего совершеннолетия, и которое я с такой тоской не могла носить при свете дня, при других людях. На его руке, что сплетается с моей, точно такое же, но больше, одетое с самого начала нашей встречи. Единственное время единства с ним, с Каем, здесь, в тишине, которую мы нарушаем своими счастливыми разговорами, ровно до восхода солнца.

А потом он опять уйдет, я снова буду разбавлять молчание огромной комнаты шагами, цоканьем каблучков, шуршанием одежды, а затем засну. Наутро это покажется мне повторяющимся сном, день пройдет так, как вчерашний, а когда ночь снова войдет в свои права, куранты заново начнут отбивать двенадцать раз и я в очередной раз услышу твой нахальный, но ласковый и совсем родной голос.

Глаза постепенно стали влажными, а затем по щеке резко скользнула слеза – самая первая и нетерпеливая, желающая донести до окружающих свое отчаяние.

– Рита! – он поворачивается ко мне перед самым зеркалом, нежно улыбается, тянет ко мне руки, будто желает обнять и кричит, совсем не беспокоясь о том, что нас услышат. – Идем со мной, Рита!

Он... он услышал меня? – беспокоится моя душа.

Но я не могу! – пытается заставить **МЕНЯ** опомниться уже мой собственный рассудок. – *Из нас двоих только я не могу*

пройти через зеркало!

Однако тело не слышит ни плача счастья и надежды души, ни голоса разума. Оно бежит – бежит, теряя эти дурацкие цокающие туфли с каблуками по пути, запинаясь о подол не менее дурацкого вычурного платья...

А затем девушка, наконец-таки обретшая блеск в глазах, тонет в объятьях своего возлюбленного, похожего на нее как две капли воды. Оба лучезарно улыбаются от счастья, смеются, девушка продолжает плакать – и все затихает.

Солнце медленно показывается в окне, встает над горизонтом, освещает своими первыми шустрыми лучами пустую комнату, а в коридоре за дверью слышится частый стук каблуков, быстрые шаги, раздраженный голос хозяев дома и беспокойный гул всполошившейся прислуги. Двери резко раскрываются на распашку, слышится их удар об стены и Рите, устроившей шум в такую рань, вот-вот не поздоровится.

Но дочери герцога нет. Сердце, наполненное любовью, и глаза, наконец искрящиеся жизнью, прошли сквозь отражение, оставив после себя в серой, скучной, тесной комнатке лишь смятую, взбитую постель, осколки бедного зеркала и пару надоевших туфелек.